

Н.С. Розов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МАКРОСОЦИОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПРОДУКТИВНЫЙ ДИАЛОГ?

Один из крупнейших современных специалистов по отечественной истории, автор знаменитого двухтомника «Социальная история России», уважаемый Б.Н. Миронов нашел время, не пожалел сил и разразился гневной разносной статьёй в ответ на теоретическую статью провинциального сибирского философа. Что же так рассердило моего уважаемого оппонента?

Позиция оправдывающегося изначально проигрышная, тем более что многое в филиппиках Б.Н. Миронова вполне резонно. Мне представляется важным не столько защитить свою статью и подход, сколько осветить более широкий интеллектуальный контекст возникшей коллизии.

Вначале несколько слов об истории возникновения и задачах самой статьи, вызвавшей столь бурную критику.

С осени 2003 г., т. е. с ареста М.Б. Ходорковского и последовавших за ним явных сдвигов к авторитаризму, меня крайне заинтересовала цикличность в истории России, и я засел за большую работу с целью выявить с помощью теоретических подходов макросоциологии внутреннюю природу этой динамики (начальные подходы к проблеме см. в: Розов 2006). В это время происходили важные события в политической жизни страны, велись интереснейшие дискуссии, и параллельно я откликался на них как научными политико-социологическими, так и публицистическими статьями (Розов 2007; Дубовцев, Розов 2007; Розов 2008).

В прошлом 2009 г. пришло осознание того, что материалы и черновая рукопись задуманной большой теоретико-исторической книги выросли до необъятных размеров, и конца этой работе не видно. При этом накопилось достаточное количество статей, посвященных современной

политике, с прогнозами и перспективами о политическом будущем России. Отложив работу о циклах, я составил и дописал книгу «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке»* (более 40 п. л.), которая в начале 2011 г. должна выйти в издательстве РОССПЭН.

Разумеется, весьма значимым макросоциологическим основанием стали полученные ранее представления о российских циклах и порождающем их внутреннем механизме. По необходимости пришлось эту часть дать в самой краткой, усеченной форме. Фрагменты соответствующих глав и были оформлены в журнальную статью, однако в нее не вошли детально разобранные в книге факторы внешних международных связей и влияний: геополитических, геоэкономических и геокультурных.

Как сейчас стало понятно, работа стала непреднамеренной интеллектуальной провокацией, и то, что на эту удочку попала столь крупная рыба — самый именитый специалист по социальной истории России, — это большая удача, «нечаянная радость».

Теперь о существовании и характере критики статьи.

Во-первых, со многим следует согласиться: мною были построены весьма упрощенные модели с собственной аксиоматикой, они действительно лишены валидного эмпирического обоснования, в статье нет учета всего многообразия меняющихся факторов исторической динамики, а также смены характера закономерностей в разные исторические периоды, не указаны важнейшие аспекты международных отношений, кроме того, не выдержаны стандарты исторических работ по ссылкам на источники, а приведенные рассуждения о свойствах российского менталитета вполне спекулятивны (как и взгляды других авторов на другие менталитеты, что справедливо отмечает Б.Н. Миронов).

Во-вторых, в главных пунктах своей критики Б.Н. Миронов демонстрирует столь же удручающее, сколь и распространенное среди гуманитариев вообще и историков в особенности, непонимание самого существа теоретической работы и концептуального моделирования, целей, задач и этапов такого рода исследований (об антитеоретическом консенсусе в отечественных социально-гуманитарных науках см.: (Розов 2007)).

Б.Н. Миронов ссылается на авторитет И.Д. Ковальченко, занимавшегося количественной историей (клиометрикой), прежде всего, компьютерной обработкой квантитативных эмпирических данных. По

---

* Информацию о книге и детальное содержание см. здесь: www.nsu.ru/filf/rozov/publ/kol-per.htm.

Ковальченко и Миронову, «необходимо сконструировать такую сущностно-содержательную модель, которая адекватно отражает *реальное* в объекте изучения, потому что главная цель историко-социологического моделирования — раскрытие и анализ *реального* в изучаемом объекте».

Увы, приходится сообщить уважаемому оппоненту, что в современной методологии науки цель и сущность создания теоретических и концептуальных моделей понимаются существенно иначе. Таково развитие известной традиции «идеальных типов» по М. Веберу в понимании «идеализированных, или абстрактных объектов (конструктов)», например, по Ч. Рэгину, М. Бунге, В.С. Степину (Ragin 1994; Bunge 1996; Степин 2000; Розов 2009). Здесь конструктор (идеальная модель) создается именно «произвольно», силой воображения теоретика, этот конструктор вовсе не обязан «отражать» или «раскрывать» что-то реальное, более того, как справедливо отмечает В.С. Степин, зачастую получаемый конструктор обладает качествами, которых ни один эмпирический объект не имеет. Другое дело, что если речь идет не о чистой математике или метафизике, а о предметных науках, то через сложную цепь конкретизаций и модельных интерпретаций следует разворачивать такие конструкторы к виду, пригодному для тестирования — сопоставления с эмпирическими данными. На начальном же этапе проводятся нестрогие, пилотажные сопоставления теоретической модели с самыми грубыми эскизными эмпирическими моделями, но вовсе не с «реальностью»*.

В моей статье была представлена только серия таких абстрактных конструкторов, намечены связи с эскизными эмпирическими моделями, но никакого строгого тестирования с какими-либо численными рядами даже не планировалось. Мой уважаемый оппонент, привыкший лишь

---

* Между прочим, сами историки, в том числе, и Б.Н. Миронов, занимаются именно построением эмпирических моделей (качественных концептуальных или квантифицированных), хотя, подобно мольеровскому герою, обычно не подозревают об этом, возвещая наивной публике и убеждая себя, что воссоздают («отражают», «реконструируют») саму «реальность». В действительности же вся историческая реальность явлений и процессов осталась в прошлом, исчезла, в настоящем же ученым доступны только материальные артефакты (прежде всего, архивные документы, всевозможные записи и музейные экспонаты), а также воспоминания очевидцев для недавнего прошлого. Стоит ли напоминать, сколь различны бывают эти эмпирические модели у разных историков; примером тому служит, в частности, недавняя жаркая дискуссия между Б.Н. Мироновым и С.Н. Нефедовым относительно характеристик предреволюционной ситуации в России на сайте cliodynamics.ru (см.: О причинах русской революции 2009).

к обработке эмпирических данных, и, по всей видимости, далекий, подобно большинству историков, от действительной теоретической работы, с радостью усмотрел отсутствие такой строгой проверки и обоснования, сосредоточил на этом все свое внимание, но главного в статье так и сумел разобрать.

В-третьих, что же там было главного и почему (что самое обидное) оно так и не было распознано и понято? Речь идет именно о попытке конструирования модели механизма, порождающего социальную и историческую *динамику* (в данном случае — циклическую). Да, мои теоретические модели упрощенные, содержат всего по несколько базовых понятий, в частности, там фигурируют тройственная структура «Государство-Элита-Народ», заимствованная из концепции Дж. Голдстоуна и С.Н. Нефедова, несколько стратегий со связями переключения, в другом варианте — несколько динамически взаимосвязанных переменных. Но такие модели, пусть и на основе «произвольно сконструированной» аксиоматики, *дают заданные качества циклической динамики*. Это и есть главный теоретический результат статьи.

Дальше, как всегда, обнаруживается, что «в реальности» все происходило не так, сложнее, вариативнее и проч. Точнее говоря, объемные, профессионально выстроенные и подкрепленные данными эмпирические модели историков существенно отличаются от эскизных вспомогательных эмпирических моделей теоретиков (странно, если бы это было не так). Прекрасно! Зато теперь есть что изменять и усложнять в уже имеющихся теоретических конструктах, чтобы этот разрыв снизить. Однако это уже следующий этап работы. Здесь и требуется тесное взаимодействие, кооперация между представителями теории и эмпирии, как это происходит в естествознании, а теперь уже все чаще в экономике, социологии, политологии.

Так и не понявший сути теоретического метода Б.Н. Миронов, вместо обсуждения содержательных проблем, не только отвергает возможность моделирования крупных явлений и процессов в истории, но также указывает на «тривиальность» полученных мною выводов. Оказывается, объяснения динамики ему и не нужно: «все уже есть в литературе». Приводятся следующие ходульные, куцые, а то и вовсе смехотворные «объяснения» из крайне идеологизированной и давно отвергнутой серьезными макросоциологами теории модернизации: «общество в целом к преобразованиям еще не готово», «фрагментация общества и элит, отсутствие между ними консенсуса», «разгоралась, говоря словами Т. Гоббса, война всех против всех» и т. п. Получается, что конструктивные механизмы переключения стратегий разных акторов, динамического взаимовлияния пусть немногих базовых переменных — это, по Б.Н. Ми-

ронову, скандально недопустимое упрощение, а журналистские трюизмы и политические штампы многовековой давности — это вполне достаточное для него объяснение исторических циклов. Грустно.

Наконец, последнее. На мой взгляд, значение и перспективы случившегося интеллектуального микроконфликта (очень надеюсь, что он не испортит наши добрые отношения с Борисом Николаевичем) двойственны и неопределенны.

С одной стороны, попытка социального теоретика заинтересовать в своих построениях специалистов-историков представляется не удавшейся: моя работа была отвергнута и высмеяна ведущим специалистом по социальной истории России, притом что главный результат даже не был им понят. После такого начала редко возникает кооперация. Б.Н. Миронов в своем антитеоретическом пафосе, по-видимому, представляет мейнстрим нашей сегодняшней исторической науки (Розов 2007). Впрочем, ситуация не безнадежна, то тут, то там среди историков появляются молодые исследователи, заинтересованные в теоретическом уровне осмысления, в разработке и проверке более сложных и продуктивных моделей исторической динамики, чем лепет про «неготовность общества к преобразованиям».

С другой стороны, как учит нас мудрый Р. Коллинз, конфликт — это живой сок интеллектуальной жизни (Коллинз 2002). В этом отношении не особенно важно, прав я, или мой оппонент, или оба по-своему неправы (что бывает чаще всего). Важно появление эмоционально напряженного предмета дискуссии, который потенциально уже может стать и фокусом внимания для других исследователей. Ежели им есть, что сказать по данному поводу, если это натолкнет их на собственные размышления, на поиск новых аргументов, если более активной станет коммуникация между представителями социального теоретизирования, макросоциологии и исторической эмпирии, то наше несогласие с Б.Н. Мироновым окажется ценнее, чем сотни согласий.

Но может ничего и не произойти... Посмотрим.

Литература

Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции // Полис. 2007. № 3. С. 8–23. [<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/ruspower.htm>].

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

О причинах русской революции / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков (ред.). М.: Издательство ЛКИ, 2009.

Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 3. [<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/cycles1.htm>].

Розов Н. С. (Не)мыслящая Россия. Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–303. [<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/nonthinking.htm>].

Розов Н. С. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России // Полис. 2008. № 5. С. 74–89. [<http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/krv.htm>].

Розов Н.С. Историческая макросоциология: Методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Bunge M. Finding Philosophy in Social Science. New Haven - L.: Yale University Press, 1996.

Ragin Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.